

Воспоминания

Молодой токарь учебно-курсового комбината

Отрывок из документальной книги Людмилы Коноваловой «Родословная. Память»

Людмила Коновалова

Ю. Евгений Ружмаев

Что чувствует девушка, попавшая на комбинат из глухой деревни? Приехав в село, Людмила рассказывает землякам о директорах ММК, радости труда и активной жизни заводской молодёжи в 50-х годах прошлого века...

Приезжая в деревню, рассказывала, какие хорошие люди в Магнитогорске. И хозяйева мои, Перухины-Козловы, – самые добрые. И подружки в бригаде хорошие. Рассказывала, что по понедельникам у молодых рабочих политзанятия. Я брала конспект этих лекций, подглядывала, зачитывала. Вечером в деревенской избе меня слушали внимательней, чем на политзанятиях. Тогда у нас в деревне ещё не было радио, электричества. Рассказывала о прошлом ММК: как строился город, комбинат, как пускали домны, мартеновские печи, блюминги, как Серго Орджоникидзе присутствовал при первых выплавках стали. Серго был всем известен в деревне.

– А вот Авраамий Павлович Завенягин – дважды Герой Соцтруда.

– Какое древнее имя у начальника, – говорит мама.

– У директора, – поправляю я. – А что, у моих братьев не древние имена: Акила, Никодим, Осип?

– Парень-то несчастным так и остался со своим древним именем, – жалеет мама Акилу. – Три раза был ранен. Погиб. Война есть война.

– Тут имя ни при чём, – поправляет брат Николай.

– Серго так и не отпустил Завенягин от себя. И стал Авраамий Павлович заместителем наркома тяжёлой промышленности. На политзанятиях нам рассказывают историю комбината и как его славят в стихах наши поэты Борис Ручьёв и Людмила Татьяничева. Мы должны знать передовых рабочих. Вот, в войну была сталевар – женщина! Татьяна Ипполитова выплавляла сталь, – сама подсматриваю в конспект. – Представляете, сталь до тысячи градусов раскаляется и течёт по желобу в ковш, а из ковша – в изложницу. Потом, – я беру для наглядности стакан, – эту изложницу, как рубашку, снимают, – поднимаю стакан, – и получившийся слиток раскатывают тонко. Как вот

сочень мама скалкой раскатывает.

– Горячий, наверно? – уточняет Николай.

– Его на блюминге разогревают и катают. Не только горячий – огневой. Отец всю жизнь с металлом в кузнице работал, говорил, мол, куй железо, пока горячо!

– Жарко, наверно, от металла? – спрашивает мама.

– Конечно жарко! На то они и металлурги. Это особые люди! Сколько стали выплавляют. Тысячи тонн! У нас в красном уголке висит карта, где флажками показано, в какие страны везут нашу сталь. Ну как этим не гордиться?

Мы изучаем теорию. Сначала нас повели на экскурсию по цехам. Показали, рассказали всё, чтобы металл представляли, чувствовали. На практику нас закрепляют за передовыми квалифицированными рабочими. Мой наставник – Андрей Афанасьевич Холод. Ему двадцать семь лет, он токарь-универсал шестого разряда.

Сижу довольная – просветила колхозников. Мама по моим рассказам уже знала Василия Парфеньевича Рюмина, желала ему здоровья и молилась за него, чтобы он меня не обидел. Мне смешно.

– Как он может обидеть?

– А ты спроси начальника, почему он тебя в мужской пролёт да на большой станок поставил? – учит мама.

– Я его сразу же спросила, почему все девочки во втором пролёте, а я – в мужском?

– Они – девочки. А ты девушка сильная, деревенская. Закаляйся. Как Суворов сказал? Трудно в учении – легко в бою. По тебе и ноша. Если дают, значит, вынесешь. Здесь работа трудней и заработка выше. Тебе, снимающей жильё у чужих людей, деньги не лишние. Мы так решили на цехкомме.

Удивилась я его осведомлённости. Он улыбнулся и сказал:

– А как же, мы должны знать о профессиональном росте и нравственном развитии молодёжи. У вас в колхозе все на виду, правда? А здесь комбинат, и мы растим кадры вот из таких – крепких, устойчивых.

Опять он заставил меня покраснеть за мою «крепость» – крепкое деревенское телосложение.

Однажды в столовой к нам подошёл Василий Парфеньевич с подносом. Мы сразу присмирели, прекратили разговоры. Едим первое, поглядываем на Василия Парфеньевича. Нам вроде и некогда пользоваться ножом, да мы и не приучены держать вилку в левой руке. А Василий Парфеньевич отрезает острым ножичком тоненький ломтик говядины и, не спеша, жуёт.

– Жаркое – и резать! – вылипились мы на него.

– Да. Даже жаркое не глотать, а хорошо жевать, – понял он наше удивление. Есть – это такое удовольствие! Жуйте тщательно. Труд ваш – физический. Без разговоров за столом поесть за тридцать минут можно.

– Да неужели такому большому начальнику и до этого есть дело? Хороший начальник. Дай, господи, Василию здоровья, – мама перекрестилась.

– Да он же у нас не начальник, а заместитель начальника цеха по воспитательной работе. Первый раз от Василия Парфеньевича услышала, что значит вести здоровый образ жизни. Взяла за правило выходить из-за стола, не наевшись под завязку, а с желанием ещё что-либо проглотить. И учит нас Василий

Парфеньевич, и жучит. Вот случай расскажу. Однажды мы проявили инициативу – помыть деревянные кресла в красном уголке. Прачки Маша и Зина дали нам вёдра, тряпки, мыло и кальцинированную соду. Содой оттирали мазут.

– Мазут? – удивляется мама.

– Да, мазут. Сиденья пачкаются, когда заходим в обеденный перерыв отдохнуть, собираемся на сменно-встречные собрания. Но не надо думать, что в засаленных комбинезонах ходим. В стирку отдаём каждую неделю. В субботу сдадим после смены, а в понедельник утром свой комбинезончик – чистый, сухой и поглаженный – забираем. Это Василий Парфеньевич организовал при цехе прачечную. Мол, рабочие должны ходить в чистой спецовке.

Внизу, в подвальном помещении, прачечная с большими барабанами. Здесь же стоит ножная машинка Singer и целое ведро с пуговицами. Прачки Маша и Зина и поглядят, и пуговички пришьют, и карманчики починят. А как они к нам относятся, к ученичкам, – сердце радуется! И вот прачки наливают в вёдра тёплой воды, и мы моем сиденья. Грязь-то оттерли, да не промыли хорошо. А у наших старичков было партсобрание. Встали они с белыми разводами на чёрных брюках.

– Кто инициатор? – спрашивает Василий Парфеньевич.

– Я. Хотела помыть, собрала девочек из бригады.

За добрую мою инициативу получила выговор. Конечно, мы с девочками смеялись. Старички даже не заметили, что чёрные брюки у всех на одном месте «поседали». Выговор получила от Василия Парфеньевича устный.

– Конечно, это не вредительство, конечно, неумышленно, – обсуждали женщины в цехе. – Но брюки-то – хоть выбрасывай.

Это было для нас хорошим уроком: кальцинированную соду надо смывать струёй воды, а не мокрой тряпочкой. Мы и окна в цехе мыли на субботах, и палисадник разбили под окном. Чтобы посидеть на скамеечках в обеденный перерыв, стелили газеты. Копоть везде от домен. Даже на лицах, пока отдыхали, блестит. И ранетки все закопчённые. Но мы, протирая их платочками, ели, пробовали.

– Горожане вступают в садоводческие товарищества и сажают сортовые яблони.

– Далеко чать? – спрашивает мама.

– За городом, за несколько километров. Но люди ходят пешком, копаются, землю разрабатывают. Строят домики, чтоб было где от дождя укрыться. Моя квартирная хозяйка Меланья Николаевна Перухина получила участок земли на городской свалке. Сколько стекла, сколько мусора! Она все сгребала, сжигала. Смешно – большим ситом просеивала землю. И такой красивый участок получился. Даже клубнику выращивает. Они же, эти садоводы, все деревенские.

– Это надо же! На свалке – и клубника. И едят? – спрашивает мама.

– Да ещё как едят! Правда, она не такая сладкая, как лесная. И, говорят, что в ней витаминов мало. Конечно, нельзя сравнивать с лесной, но всё же радость какая! Угощает она внуков сладкими, крупными ягодами. И меня угощала. Вот так и живём в городе.

Подготовила Ирина Коротких

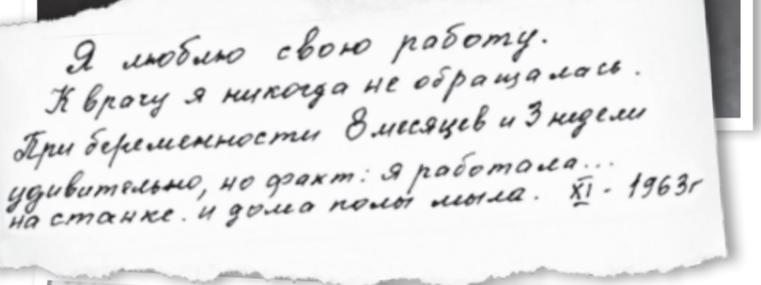
Продолжение следует.

ММК. Наша смена. Вторая слева Л. Коновалова. 1958 г.

Токарь Людмила Коновалова. 1963 г.

На фоне цирка. 1958 г.